

ДРАНГ НАХ ВЕСТЕН

Участие русичей в становлении Ливонского государства

Борис Инфантьев

Широко распространено мнение, что с порабощением немецкими крестоносцами латышских племен в XIII веке связи этих племен с восточнославянскими соседями прекращались. Однако торговые связи после этого события не только не сокращаются, но бурно развиваются. Только ли торговые связи?

В латышских (да и не только латышских!) публикациях о самом начальном периоде истории Ливонского государства стыдливо умалчивается эпизод, на наш взгляд, имевший решающее, судьбоносное значение для дальнейшего существования Ливонского государства. Имеются в виду события, довольно подробно, хотя и весьма субъективно освещенные Генрихом Латвийским в его широко известной Хронике за 1212 и последующие годы.

Псковский князь Владимир Мстиславович, очевидно, не полагаясь на прочность своего положения в олигархической республике, решил возобновить древние киевские традиции контактов с западными сюзеренами и выдал свою дочь замуж за брата Рижского владыки, епископа Альберта, за что псковские власти «поклонились» князю, то бишь изгнали его из Пскова.

Прибежище Владимир нашел в Риге, у епископа. Здесь он не только был радушно встречен, но и получил «кормление» в виде должности — сначала в Аутине, затем в Идумее.

Именно в это время, в 1212 г., в Аутине и произошло весьма знаменательное событие, подробно описанное в хронике Генриха, связанное с отторжением у леттских хлеборобов рыцарями пчелиных ульев и земельных участков. Выступал ли Владимир в этом деле миротворцем, трудно судить. Но решающая для формирования Ливонского государства роль этого князя бесспорна в другом, более важном событии, также помеченном 1212 годом

После неоднократных попыток ограничить суверенные устремления Альберта (Владимир Полоцкий поначалу считал его верным соратником в борьбе с литовцами, а также учителем в области фортификации и военного искусства), которые выражались в попытках в 1203 — 1206 гг. овладеть возведенными крестоносцами крепостями, на 1212 г. возлагались особые надежды — он, наконец, должен был стать поворотным годом. Как рассказывает Генрих, на встрече под Ерсикой (или в самой Ерсике) спор и противостояние дошли до своего предела, и обе стороны уже взяли за оружие. Но произошло чудо. Рижский прелат и князь Владимир начали увещевать князя полоцкого. Именно выступление в такой функции псковского князя «удивило» князя полоцкого, и он в нем усмотрел напоминание и о его собственных стремлениях не ссориться

с Западом. Последовало примирение, сентиментально отображенное в хронике, однако на самом деле оно означало признание русскими князьями существования Ливонского государства «де юре».

Все же нельзя утверждать, что сотрудничество псковского князя с его новыми ливонскими союзниками было радужно и безоблачно. Как свидетельствует тот же Генрих, главное недовольство деятельностью Владимира Мстиславовича было связано якобы с его лихоимством. Было ли причиной недовольства немецкого духовенства православие князя?

Об этом в хронике не сказано ни слова. В. Виллеруша полагает, что князь перешел в католичество, на что указывает и новое его именование — Волдемар. Но так же называется в летописи и полоцкий князь, который об изменении веры и не помышлял.

О том, что князь веры не менял, свидетельствует и его безотказный прием при возвращении в Псков, куда он прибыл на княжение в 1213 г. Или он снова переходил из католичества в православие?

Однако и в этом году Владимиру во Пскове княжить не было суждено. Зимой того же 1213 г. он перебирается снова в Ливонию, на сей раз с женой и двумя сыновьями, которые с этого времени воспитываются и обучаются при Ордене. Далее сведения о них утрачиваются. Сам же Аутинский, теперь Идумийский отряд размещается в замке Метимнес, который, по мнению исследователей, не что иное как будущий город Володимировец, который Иван Грозный в своем письме Курбскому именовал своей вотчиной (ныне город Валмиера).

Но и на этот раз дружба и сотрудничество продолжаются всего четыре года. В 1216 г. Владимир — снова князь Псковский, а в 1217 г. он даже участвует в очередном походе русских князей против крестоносцев. В ходе военных действий, по свидетельству одних интерпретаторов летописных сведений, Владимир берет в

плен даже своего зятя Теодориха и отдает его как пленника новгородцам. Однако по другой интерпретации таким предателем Владимир не оказывается. Он всего лишь позвал зятя заключать мир с новгородцами, а те схватили его как пленника. Долго, правда, Теодорих пленником не был — скоро его вновь увидели на свободе.

Рассказанное Генрихом событие, имеющее весьма слабые и сверхлаконичные упоминания в русских летописях — не единственное в истории стремление русских князей установить более тесные, дружественные связи с западными соседями, в частности с Ливонией.

О них нам удалось пока собрать весьма скудные сведения. Это прежде всего деяния таинственного полоцкого князя Константина, который в начале XIII века храбро сражался вместе с литовцами и рижанами с псковскими ратниками, а затем подарил Рижской Богородице крупные земельные участки в западной части своего княжества, за что заслужил благодарность и благославление самого папы Римского.

Это и многочисленные русские князья, под литовскими знаменами принимавшие самое активное участие в боевых схватках Рижского архиепископа с Орденем.

Нельзя забывать и того факта, что «полюдья» русских князей в Ливонские земли совершались на всем протяжении XIII века: в 1224 г. — в Талаву, а в 1285 г. — в Адзеле. Сначала они вызвали бурное негодование и сопротивление крестоносцев, но затем те — под воздействием аргументов русского оружия — смирились и стали родоначальниками договорных традиций, о которых в этот начальный период имеются неоднократные напоминания, иногда же эти договоры и... соблюдали.

Напомним, наконец, что и Ливонская война в XIV веке возникает в какой-то мере и как факт участия русичей в судьбах Ливонского государства.